

О ЗНАЧЕНИИ ЯЗЫКА ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢКА.

КРАТКОЕ ЧТЕНІЕ

АВГУСТА ШЛЕЙХЕРА.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Маленькую статейку, напечатанную на слѣдующихъ страницахъ, я читалъ въ Іенѣ въ небольшомъ частномъ кругу, въ домѣ семейства, съ которымъ мы въ дружбѣ. Я напечаталъ ее преимущественно потому, что старался въ ней опровергнуть возраженіе, сдѣланное нѣкоторыми противъ моей статейки «Теорія Дарвина въ примѣненіи къ Наукѣ о языкѣ» (Веймаръ 1863; переводъ русскій напечатанъ въ типографіи П. А. Кулиша, Спб. 1864). Противники мой утверждали, что нельзя считать языки реальными, матеріальными, естественными существами, какими я ихъ предполагалъ въ статейкѣ о Теоріи Дарвина, не приведя доказательствъ, подтверждающихъ это мнѣніе. Доказательства, что языки существуютъ матеріально, будутъ главнымъ предметомъ слѣдующихъ строкъ. Итакъ можно принять эту статейку за дополненіе къ прежней. Такъ какъ статейка о Теоріи Дарвина не у всякаго будетъ подъ рукою, то мнѣ нужно опять упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ пунктахъ, о которыхъ уже говорено тамъ.

Настоящую бездѣлку я самъ перевелъ на Русскій языкъ, правду сказать, для упражненія въ этомъ языкѣ, и помѣщаю этотъ переводъ, какъ дополнение къ упомянутой уже статейкѣ о Теоріи Дарвина въ примѣненіи къ Наукѣ о языкѣ *), переведенной на Русскій языкъ безъ моего вѣдома и содѣйствія совершенно неизвѣстнымъ мнѣ переводчикомъ. За поправку моего перевода я обязанъ Константину Николаевичу Модзалевскому, слушающему теперь лекціи въ Іенскомъ университетѣ, который исправилъ и другія статейки, написанныя мною на Русскомъ языкѣ.

Іена, 8 Янв.
1868 г.

Редакція Филологическихъ Записокъ долгомъ считаетъ свидѣтельствовать свою искреннюю и глубокую благодарность почтенному Іенскому профессору, А. В. Шлейхеру, извѣстному нашему филологу и лингвисту, за присылку намъ этой интересной статьи для помѣщенія въ Филологическихъ Запискахъ и за посвященное его сочувствіе къ ея скромному изданію. Намъ пріятно было видѣть и то, что эта статья почтеннаго автора есть его же собственный переводъ, какъ свидѣтельство о его уваженіи и любви къ Русскому языку, съ какою онъ имъ занимается.

Что касается до значенія статьи, въ которой почтенный профессоръ поднималъ этотъ спорный вопросъ, то, не говоря о томъ, какъ важны для науки изслѣдованія подобныхъ вопросовъ и къ какимъ они могутъ привести результатамъ, скажемъ только, что мы никогда не дошли бы до истины, если бы оставляли въ сторонѣ темные или спорные вопросы. *Ред.*

*) Въ этой статейкѣ нужно прибавить стран. 6, стр. 6 снизу нѣмецкаго подлинника, а стран. 3, стр. 17 сверху русскаго перевода: само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ только о такъ называемыхъ описательныхъ естественныхъ наукахъ. Отсюда нельзя сомнѣваться въ значеніи дороги апіриорической, математической, въ астрономіи и въ физикѣ.

О ЗНАЧЕНИИ ЯЗЫКА

ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢКА.

Въ наше время не найдется ни одного испытателя природы, полагающаго, что дѣйствіе какихъ-нибудь органовъ, напр. пищеварительныхъ, желѣзокъ, мозга, мускуловъ и т. д. не зависитъ отъ качествъ самихъ этихъ органовъ, напр. походка различныхъ животныхъ, даже разная походка отдѣльныхъ индивидуумовъ ясно обуславливается разностью въ качествахъ частей тѣла, дѣйствующихъ при ходьбѣ. Дѣйствіе, отправленіе органовъ есть не что иное какъ, такъ сказать, способъ проявленія самаго органа, хотя изслѣдователю и не удастся во всѣхъ случаяхъ открыть посредствомъ ножа и микроскопа матеріальную причину каждаго проявленія. Языкъ точно также, какъ напр. и походка, есть не что иное какъ дѣйствіе извѣстныхъ частей тѣла и органовъ. Языкъ есть воспринимаемый ухомъ симптомъ дѣйствія многосложныхъ матеріальныхъ отношеній и качествъ въ мозгѣ и въ звуковыхъ органахъ съ ихъ нервами, костями, мускулами и т. д. ¹⁾ Правда, что анатоміи до сихъ поръ не удалось представить самыя матеріальныя причины языка, но никто, сколько я знаю, и не занимался сравнительнымъ изслѣдованіемъ звуковыхъ органовъ народовъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ. Можетъ быть, даже вѣроятно, что такое изслѣдованіе не поведетъ къ удовлетворительнымъ результатамъ, однакожь все-таки мы отнюдь не должны отказываться отъ убѣжденія, что языкъ основывается на матеріальныхъ свойствахъ тѣла. Ибо никто не можетъ не признать существованія такихъ матеріальныхъ состояній, которыхъ еще нельзя ошутить непосредственно и которыя,

¹⁾ Эта мысль не нова; ее находимъ уже у Лор. Дифенбаха, *Vorschule der Völkerkunde*, Frankfurt am Main 1864, стр. 40 и сл. Ср. и слѣд. примѣч.

можетъ быть, и не будутъ никогда предметами прямого наблюденія. Нерѣдко очень чувствительно дѣйствіе самыхъ меньшихъ даже минимальныхъ количествъ и отношеній. Цвѣтныя спектры напр. являются вслѣдствіе несоизмѣримо, даже невообразимо мелкихъ частицъ матеріи; подобнымъ образомъ и цвѣтъ, и запахъ, и вкусъ растений нерѣдко обусловлены крайне малыми химическими отношеніями, и сперматозондка, оплодотворяя яичко, можетъ быть причиною и успѣха, и уничтоженія цѣлыхъ семействъ и родовъ. Можетъ быть, что разность въ языкахъ зависитъ отъ таковыхъ же мельчайшихъ различій въ качествѣ мозга и звуковыхъ органовъ ²⁾).

Какъ бы то ни было, пока матеріальныя причины языка намъ не извѣстны, мы должны принять въ соображеніе дѣйствія этихъ причинъ и поступать съ языкомъ подобнымъ же образомъ, какъ химики съ солнцемъ: они изслѣдуютъ свѣтъ солнца потому, что нельзя подвергнуть изслѣдованію источникъ этого свѣта.

Что у солнца свѣтъ—чтобъ продолжать наше сравненіе—тоже самое у языка звукъ; какъ такъ свѣтъ свидѣтельствуеетъ о качествѣ матеріальной причины этого свѣта, точно такъ и здѣсь звукъ. Матеріальныя отношенія, лежащія въ основѣ языка и слышимое дѣйствіе этихъ отношеній относятся другъ-къ-другу какъ причина и дѣйствіе, какъ вообще сущность и явленіе. Философъ сказалъ бы, что они тождественны. Поэтому мы въ правѣ считать языкъ за нѣчто матеріально существующее, хотя мы и не можемъ ни схватить его руками, ни видѣть глазами, но почти только воспринимать посредствомъ уха.

Этимъ объясненіемъ, по моему мнѣнію, я доказалъ, что я правъ, принимая, что языки существуютъ реально и матеріально.

Но если это такъ, то какъ можетъ человѣкъ изучать чужіе языки?

²⁾ Ср. *Θ. Гексли (Huxley), Zeugnisse für die Stellung des Menschen in der Natur, übersetzt von J. V. Carus; Braunschweig 1863, стр. 117, примѣч.*

На этотъ вопросъ я долженъ отвѣтить прежде, нежели я попытаюсь доказать, что языки, существуя реально, важны для естественной исторіи человѣка.

Если языкъ въ самомъ дѣлѣ есть не что иное какъ воспринимаемое ухомъ какое-то извѣстное качество мозга и звуковыхъ органовъ—или, лучше сказать, потому что причина и дѣйствіе тождественны—если языкъ есть не что иное какъ извѣстное качество упомянутыхъ частей чело-вѣческаго тѣла, то какъ можно человѣку научиться одному, даже нѣсколькимъ языкамъ кромѣ своего природнаго языка? На это противорѣчіе я могъ бы отвѣтить коротко, продолжая сравненіе, употребленное мною въ началѣ этой статьи, сказавъ, что человѣку можно научиться ходить на четверенькахъ, даже на однихъ рукахъ, а между тѣмъ, не смотря на это, никто не сомнѣвается, что природная наша походка обусловлена устройствомъ нашего тѣла и что наша походка есть только проявленіе этого качества. Однако-жъ рассмотримъ поближе это противорѣчіе, выведенное изъ того обстоятельства, что чужія языки изучаются.

Прежде всего спрашивается: возможно ли вообще научиться чужому языку совершенно? Я въ этомъ сомнѣваюсь: по моему мнѣнію, человѣкъ только тогда научается совершенно чужому языку, если онъ смолоду промѣняетъ свой природный языкъ на другой. Но черезъ это онъ становится другимъ человѣкомъ; мозгъ и звуковые органы у него образуются въ другомъ направленіи. Не говорите мнѣ, что Н. Н. говоритъ и пишетъ съ одинаковою ловкостью и легкостью на языкахъ Русскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и т. д. Во-первыхъ, этотъ фактъ я отрицаю. Но предположимъ, что это дѣйствительно возможно, предположимъ что одинъ и тотъ же человѣкъ въ одно и то же время можетъ быть Русскимъ, Нѣмцемъ, Французомъ и т. д., то даже и тогда нужно принять въ соображеніе, что всѣ Индогерманскіе языки принадлежатъ къ одному и тому же племени и что, слѣдовательно, съ общей точки зрѣнія, они могутъ быть разсматриваемы какъ виды одного и того же языка. Но теперь покажите мнѣ человѣка говорящаго и думающаго съ совершенно одина-

ковою легкостью по-нѣмецки и по-китайски, или по-ново-зеландски и по-черокезски, или по-арабски и по-готтентотски, или на какихъ-либо другихъ до самаго внутреннѣйшаго основанія различныхъ языкахъ. Я не вѣрю, чтобы такой человѣкъ могъ быть. Часто даже невозможно выговаривать звуки свойственные другимъ языкамъ, или даже невозможно точно и вѣрно вслушаться въ нихъ. Одинаково трудно будетъ найти какъ человѣка, говорящаго вполне хорошо на нѣсколькихъ языкахъ, такъ и ходящаго съ одинаковою ловкостью и на двухъ ногахъ, и на четверенькахъ. Наши органы, конечно, до извѣстной степени, такъ сказать, растяжимы, т. е. они въ состояніи дѣйствовать также и образомъ отъ природы имъ не свойственнымъ; но, не смотря на то, одно какое-либо извѣстное дѣйствіе во всякомъ случаѣ бываетъ дѣйствіемъ ихъ непринужденнымъ, природнымъ.

То же самое бываетъ и съ тѣми органами, результатомъ дѣйствія которыхъ является языкъ. Итакъ нельзя найти противорѣчія противъ утвержденія, что матеріальная основа языка состоитъ изъ сложенія мозга и звуковыхъ органовъ въ силу того обстоятельства, что можно намъ научиться чужимъ языкамъ.

Если мы правы въ томъ, что языкъ есть что-то существующее матеріально, то значеніе языка для отличія человѣка отъ животныхъ человѣкоподобныхъ не мало увеличивается. Именно, кромѣ языка, какъ доказалъ Гёксли въ своихъ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ ³⁾, нѣтъ различія между человѣкомъ и такъ называемыми антропоидами (животными человѣкоподобными). Гёксли не нашелъ анатомическихъ различій между человѣкомъ и человѣкоподобными животными (гориллой *), шимпанзе, орангъ-утангомъ); языкъ,

³⁾ Huxley, Zeugnisse für die Stellung des Menschen in der Natur (ср. примѣч. къ стр. 2), стр. 127.

*) По этому іенскій профессоръ Гекель (Häckel) въ своей книгѣ *Generelle Morphologie der Organismen* и т. д. (томъ II, стр. CL и CLIV сл., ср. таблицу VIII) считаетъ человѣка въ числѣ обезьянъ. Напротивъ того, другой изъ моихъ ученыхъ знакомыхъ, возвратившись изъ путешествія, въ которомъ онъ видѣлъ гориллу, отвѣтилъ на мой вопросъ—каково это животное: «я желалъ бы знать, что это былъ за дуракъ, который первый ска-

т. е. выраженіе мыслей посредствомъ словъ, является какъ единственный исключительный признакъ человѣка—по нашему и этотъ признакъ долженъ основываться на анатомическомъ сложеніи мозга и звуковыхъ органовъ. У животныхъ нѣтъ языка, а только звуковыя ужимки (*Lautgebärden*), которыя, кромѣ языка, находятся и у человѣка (рыданіе, крикъ, дѣйствительныя междометія). Эти звуковыя ужимки, которыми выражаются непосредственно чувство и пожеланіе, есть и у животныхъ; у нихъ перѣдко звуковыя ужимки гораздо болѣе развиты, нежели у человѣка, у котораго сохранились только остатки ихъ, продолжающіе существовать рядомъ съ языкомъ. Посредствомъ этихъ звуковыхъ ужимокъ животныя могутъ сообщать другъ-другу чувства точно такъ, какъ и посредствомъ другихъ ужимокъ. Выраженіемъ чувствъ конечно можно возбудить мысли у другихъ и поэтому-то говорятъ о «языкѣ животныхъ.» Но ни у одного животного нѣтъ способности выражать мысли непосредственно звуками. И только это непосредственное выраженіе мыслей звуками разумѣется подъ словомъ «языкъ.» Языкъ есть исключительное свойство человѣка. Это дознано и вообще до такой степени, что если обезьяна, животное даже очень различающееся отъ человѣка наружнымъ видомъ, имѣла бы языкъ, то тотчасъ считалась бы уже не животнымъ, а человѣкомъ.

Извѣстно, что у глухонѣмыхъ языкъ существуетъ *potentia* такъ, какъ у людей дѣйствительно говорящихъ; т. е. у глухонѣмыхъ мозгъ и звуковой органъ въ сущности созданы также, какъ и у людей, у которыхъ органъ слуха цѣлъ и здоровъ. Если бы это было иначе, то глухонѣмые не могли бы учиться писать и говорить. Напротивъ того, нельзя считать настоящими людьми индивидуумовъ въ самомъ дѣлѣ безсловесныхъ, идіотовъ, микроцефаловъ, потому что у нихъ недостаетъ не только языка, но и способности къ языку.

заявъ, что горилла—обезьяна; горилла—человѣкъ». Оба забыли о языкѣ; это различіе между человѣкомъ и животными, конечно, тоньше грубыхъ анатомическихъ различій, но важнѣе всѣхъ.

Но если языкъ есть человѣческое достоинство по преимуществу, то отсюда не далеко до слѣдующей мысли: нельзя ли воспользоваться языкомъ какъ основаніемъ для научнаго систематическаго раздѣленія и распредѣленія человѣчества? Не найдемъ ли мы въ языкѣ основы для естественной системы *generis homo*?

Какъ непостоянны образованіе черепа и другія такъ называемыя расовыя различія! Языкъ напротивъ того служить всегда признакомъ вполнѣ постояннымъ. Нѣмецъ, пожалуй, можетъ случайно имѣть волосы и выпуклость челюстей негра, но никогда самъ собою не будетъ говорить на какомъ-нибудь изъ Негрскихъ языковъ. Какъ мало существенны для человѣка такъ называемыя расовыя различія, видно изъ наблюденія, что люди, принадлежащіе къ одному и тому же племени языковъ, могутъ имѣть разныя расовыя особенности. Такъ, напр. осѣдлый Турокъ-Османли принадлежитъ къ Кавказской расѣ, между тѣмъ какъ другія, такъ называемыя татарско-турецкія племена, носятъ типъ Монгольской расы. Съ другой стороны Мадыаръ и Баскъ, напр. не существенно различны отъ Индогерманца строеніемъ тѣла, тогда какъ по языку Мадыаръ, Баскъ и Индогерманецъ далеко расходятся между собою. Не взирая на эту непостоянность, такъ называемыя расовыя различія могутъ быть также только съ трудомъ подведены подъ научную естественную систему. Языки же, напротивъ того, относительно легко укладываются подобно другимъ живымъ существамъ въ естественную систему, особенно своею морфологическою стороною. Здѣсь было бы не у мѣста разсматривать это ближе. Итакъ, по нашему воззрѣнію, внѣшне-видимая форма черепа, строеніе лица и тѣла вообще для человѣка менѣе существенно, нежели то не меньше матеріальное, но безконечно тончайшее качество, симптомомъ котораго является языкъ. Естественная система языковъ, по моему убѣжденію, есть въ то же время и естественная система человѣчества; съ языкомъ же неразрывно связана вся высшая жизненная дѣятельность человѣка, такъ что вмѣстѣ съ языкомъ принимается во вниманіе и эта сторона людей.

Но само собою разумѣется, что мы отнюдь не отрицаемъ возможности, что форма мозга и обусловленный мозгомъ видъ черепа важны и для языка. Намъ и на мысль не приходитъ сомнѣваться въ высокомъ значеніи точнаго изслѣдованія тѣлесныхъ различій человѣка; намъ только кажется, что не слѣдуетъ пользоваться этими внѣшне-тѣлесными различіями, какъ основаніемъ для научнаго распредѣленія нынѣ живущаго человѣчества. Животныхъ, пожалуй, распредѣляй по ихъ морфологическому виду; но для человѣка внѣшній видъ намъ кажется, такъ сказать, уже отжившимъ моментомъ, болѣе или менѣе незначительнымъ для настоящей, истинной сущности человѣка. Для классификаціи человѣка, по нашему мнѣнію, нужны тончайшіе, высшіе признаки, исключительно свойственные человеку. Эти признаки мы находимъ, какъ уже сказано, въ языкѣ. Но языкъ кажется намъ важнымъ не только для построенія естественно-научной системы человѣчества, какъ оно нынѣ является наблюденію, но и для исторіи развитія человѣка.

Мы разъяснили, что языкъ — признакъ человѣка какъ человѣка и что, слѣдовательно, разные оттѣнки языка суть характеристическіе признаки разныхъ оттѣнковъ человѣка (я нарочно избѣгаю выраженія «родъ» или «видъ» и т. п.; свѣдущій въ этихъ предметахъ узнаетъ почему). Далѣе, языкъ ясно является научнымъ изслѣдованіемъ какъ нѣчто развившееся мало-по-малу, какъ нѣчто прежде не существовавшее. Сравнительная анатомія языковъ доказываетъ, что сложный организмъ высшихъ языковъ образовался постепенно, вѣроятно, въ теченіе очень долгихъ промежутковъ, изъ языковъ проще организованныхъ. Лингвистика не находитъ ни малѣйшаго противорѣчія принять, что простѣйшіе по своему строенію языки произошли постепенно изъ звуковыхъ ужимокъ и звукоподражаній, которыми обладаютъ уже животныя. Подробное доказательство этого здѣсь не у мѣста и повело бы насъ очень далеко. Кромѣ того я полагаю, что именно теперешнее естествознаніе не откажется принять это предположеніе языкознанія.

Я полагаю, что могу избавить себя от опроверженія мнѣній, что языкъ есть или изобрѣтеніе отдѣльнаго человѣка, или сообщенъ ему извнѣ. Такъ какъ языкъ въ короткій промежутокъ исторической жизни людей находится въ непрерывномъ измѣненіи, то, стало-быть, онъ является намъ продуктомъ постепеннаго развитія по опредѣленнымъ законамъ жизни, существенныя черты которыхъ мы доказать въ состояніи. Если языкъ обусловливается матеріальнымъ строеніемъ тѣла человѣческаго, то слѣдуетъ допустить, что языкъ произошелъ и образовался мало-помалу вмѣстѣ съ развитіемъ мозга и звуковыхъ органовъ; языкъ есть не что иное какъ симптомъ этого развитія.

Но если только языкъ дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, то, стало-быть, наши праотцы сначала не были тѣмъ, что мы теперь называемъ «человѣкъ;» людьми они сдѣлались только вмѣстѣ съ образованіемъ языка, а образованіе языка для насъ значитъ не что иное, какъ развитіе мозга и звуковыхъ органовъ. Итакъ результаты лингвистики ведутъ къ предположенію, что человѣкъ мало-помалу развивался изъ низшихъ формъ. Извѣстно, что къ тому же предположенію пришла и естественная наука нашихъ дней, хотя и совершенно съ другой стороны. По этому самому языкъ имѣетъ уже нѣкоторое значеніе для естественной науки и именно для исторіи развитія человѣка.

Но изслѣдованіе и разборъ языка намъ представляютъ основанія для выводовъ и заключеній, ведущихъ къ точнѣйшимъ, подробнѣйшимъ взглядамъ о первобытномъ періодѣ нашего племени.

Самая старшая форма языковъ была повсюду въ сущности одна и таже. Въ этомъ насъ убѣждаютъ и тѣ языки, которые можно разбирать до ихъ простыхъ, несложныхъ стихій, и тѣ, которые остались на первобытной степени развитія.

Самыя древнія стихіи, изъ которыхъ состояли первоначальные языки, суть звуки, означавшія представленія и понятія; эти звуки мы привыкли называть «корнями.» На этой первоначальной степени еще нѣтъ выражений для от-

ношеній, т. е. части рѣчи еще не различались; глаголовъ, именъ, склоненій и спряженій и т. д. еще не было. Все это является чѣмъ-то позже происшедшимъ, до чего многіе языки вообще не доразвились и чѣмъ въ различныхъ языкахъ достигло большей или меньшей степени совершенства. Такъ, напр. въ Китайскомъ языкѣ до сихъ поръ еще нѣтъ звуковаго различія между частями рѣчи, а глаголы, въ собственномъ смыслѣ, въ противоположность къ именамъ, нашелъ я только въ Индогерманскомъ языкѣ, разсмотрѣвши всѣ языки, сколько мнѣ ихъ извѣстно ⁵⁾). Морфологически же, но только морфологически, всѣ языки по нашимъ изслѣдованіямъ были первоначально существенно сходны. Напротивъ того, мы должны предположить, что уже эти первые элементы, сходные по формѣ, были различны какъ въ звукахъ, такъ и въ тѣхъ понятіяхъ и представленіяхъ, которыя выражались звуками и далѣе въ ихъ способности къ развитію, ибо положительно невозможно вывести всѣ языки изъ одного и того же праязыка. Напротивъ того, для науки безъ предположеній существуетъ столько же праязыковъ, сколько и распознаваемыхъ племенъ. Но съ теченіемъ времени языки безпрестанно вымираютъ, а новые не образуются; языки образовались только въ томъ періодѣ, когда человѣкъ сдѣлался человѣкомъ. Очень вѣроятно, что въ теченіе долговременныхъ періодовъ, предшествующихъ собственно такъ называемой исторіи, погибло безчисленное множество языковъ, между тѣмъ какъ другіе распространились далеко за предѣлы своей первоначальной области, при чемъ они дифференцировались въ разнообразныя формы. Поэтому слѣдуетъ предполагать неисчислимое множество первоначальныхъ языковъ.

Позднѣйшую жизнь языковъ можно наблюдать отчасти непосредственно. Тѣ же самые законы, которые мы дѣйствительно можемъ наблюдать въ жизни языковъ, можно принять за существенно дѣйствовавшіе также и для тѣхъ періодовъ, которые ускользаютъ отъ нашего непосредствен-

⁵⁾ Cp. Die Unterscheidung von Nomen und Verbum in der lautlichen Form. Abhandl. der phil.-hist. Cl. der Königl. Sächs. Gesellsch. der Wissensch., Bd. IV, Leipzig 1863.

наго наблюденія; слѣдовательно, они могутъ быть приняты и при происхожденіи языка: происхожденіе же языка есть не что иное какъ первоначальная его жизнь. Такъ какъ мы наблюдаемъ, что у живущихъ подъ одинаковыми условіями людей, въ позднѣйшій періодъ жизни языковъ, языкъ измѣняется однообразно, а именно у всѣхъ говорящихъ индивидуумовъ самообусловливаемымъ (спонтанъ) и согласнымъ образомъ, то мы должны также заключить, что у живущихъ подъ одинаковыми условіями, слѣдовательно, вблизи другъ-друга существъ тотъ же языкъ долженъ былъ развиваться и у всѣхъ индивидуумовъ. Чѣмъ различнѣе были внѣшнія условія, подъ которыми человѣкъ развился до человѣка, тѣмъ различнѣе могли образоваться и языки.

Не смотря на то, что въ историческія времена и, конечно, также еще болѣе въ продолжительнѣйшіе доисторическіе періоды первоначальныя отношенія были многократно нарушаемы переселеніями, войнами, естественными событіями и т. п., все-таки еще и теперь можно видѣть, что языки цѣлыхъ частей земли, при всемъ своемъ различіи, однако же являютъ въ характерѣ сходство подобно флорамъ и фаунамъ цѣлыхъ странъ земли. Это прежде всего относится къ туземнымъ языкамъ новаго свѣта, далѣе ко всѣмъ языкамъ міра южныхъ острововъ (къ Малайско-Полинезійскимъ языкамъ и къ языкамъ Австралійскихъ негровъ, на сколько они до сихъ поръ извѣстны). На этихъ пространствѣхъ областей является замѣчательное единообразіе языковъ, хотя вслѣдствіе этого они все-таки не могутъ выводиться отъ одного и того же праязыка. Языки Азіиско-европейскіе особенно сильно перемѣшаны между собою (Азія и Европа и въ отношеніи языка могутъ быть принимаемы за одну часть свѣта), вѣроятно вслѣдствіе именно ранѣе пробудившейся здѣсь исторической жизни; но и здѣсь въ цѣлыхъ группахъ различныхъ языковъ можно еще узнать слѣды одного общаго типа ⁶⁾.

Поэтому кажется, что происхожденіе на землѣ формъ языковъ, т. е. развитіе органовъ, обусловливающихъ языкъ,

⁶⁾ Ср. Теорію Дарвина и т. д. стр. 24 нѣмецкаго подлинника.

зависѣло отъ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеній. Можно предполагать, что сходные языки произошли независимо другъ-отъ-друга въ областяхъ сосѣднихъ и существенно одинаковыхъ и что въ другихъ частяхъ земной поверхности развились типы языковъ другого рода.

Подобныя же умозаключенія, относящіяся къ древнимъ періодамъ человѣчества—умозаключенія, основанныя на наблюденіи языковъ, могли бы быть не бесполезными для нынѣшняго естествознанія, даже и для тѣхъ, которые не хотятъ признать того высокаго значенія, которое приписываемъ мы языку и его матеріальному основанію въ организмѣ человѣческаго тѣла.

Въ заключеніе этого очерка упомянемъ еще, что происхожденіе и развитіе языка предшествуетъ исторіи въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такъ называемая исторія или историческая жизнь наполняетъ до сихъ поръ только незначительную частицу того пространства времени, которое прожилъ человѣкъ какъ человѣкъ. Въ теченіи исторіи мы видимъ, что всѣ безъ исключенія языки старѣютъ въ звукахъ и въ формахъ по извѣстнымъ законамъ. Языки, на которыхъ мы теперь говоримъ, суть уже устарѣлые экземпляры языковъ, какъ и всѣ языки народовъ, имѣвшихъ значительную исторію. Стало-быть, у народовъ, исторически развитыхъ, языки, а слѣдовательно и тѣлесные органы языка уже давно болѣе или менѣе истощаются. Образованіе и развитіе языка и историческая жизнь смѣняются въ теченіе жизни человѣчества.

Итакъ, можетъ быть, жизнь человѣчества, до сихъ поръ протекшая, распадается на три большихъ періода развитія; конечно, эти періоды перешли одинъ въ другой мало-по-малу и повсюду не въ одно и то же время. Эти періоды суть: 1) періодъ развитія тѣлеснаго организма въ его существенныхъ чертахъ (этотъ періодъ, вѣроятно, гораздо продолжительнѣйшій, нежели слѣдующій, и мы только для краткости принимаемъ его здѣсь за одно отдѣленіе); 2) періодъ развитія языка; 3) періодъ исторической жизни, въ началѣ котораго мы живемъ еще теперь и въ который,

какъ кажется, многіе народы, существующіе а землѣ, до сихъ поръ еще не вступили.

Такъ какъ мы видимъ, что извѣстные народы, и между ними преимущественно Индійскія племена сѣверной Америки уже по причинѣ ихъ языковъ, безпредѣльно многосложныхъ и запутанныхъ, въ формахъ, такъ сказать, расплотившихся, не способны къ исторической жизни и поэтому уже хилѣютъ, даже исчезаютъ, точно такъ мы съ вѣроятностью предполагаемъ, что не всѣ организмы, которые были на пути, чтобы образоваться въ человѣка, достигли этой цѣли, т. е. что не всѣ человѣкоподобные организмы развили свой языкъ; отчасти они отстали въ развитіи, не вступивъ въ нашъ второй періодъ, а подлежали обратному образованію (*Rückbildung*) и, какъ вообще такіе хиліаки, мало-по-малу исчезли и еще исчезаютъ. Какъ остатки этихъ существъ, оставшихся безъ языка, хилѣющихъ, не дожившихъ до человѣчества, намъ являются такъ называемые антропоиды (человѣкоподобныя обезьяны).

Какъ бы ни была коротка и на скорую руку написана эта наша статейка о значеніи языка для естественной исторіи человѣка, мы все-таки думаемъ, что въ ней доказано, что естественная наука, занимающаяся человѣкомъ, отнюдь не можетъ обойтись, не принимая въ уваженіе языкъ, единственный и характеристическій признакъ человѣчества, и стало-быть, и науку о языкѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1868 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА „КАВКАЗСКОЕ ЭЖО.“

Предприимая изданіе новаго журнала, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ взглядѣ на это дѣло и о томъ, какъ мы намѣрены относиться къ нему.

Съ успѣхами общественной жизни, съ развитіемъ народнаго сознанія, потребность анализа, критики явленій физическаго и духовнаго міра усиливается, между прочимъ, въ такой же мѣрѣ растетъ и стремленіе всесторонняго обсужденія своихъ общественныхъ дѣлъ. Естественно поэтому, что число журналовъ и газетъ, какъ органовъ тѣхъ или другихъ мнѣній, должно возрастать въ той же соотвѣтственности. Но большая часть членовъ общества, по недосугу, по ограниченности средствъ и другимъ обстоятельствамъ, не имѣетъ возможности слѣдить не только за всѣми періодическими изданіями, но даже за главнѣйшими и важнѣйшими изъ нихъ. А потому для большинства, желающаго стать въ уровень съ движеніемъ идей и фактовъ современной жизни, необходимо такое изданіе, которое представляло бы отголосокъ важнѣйшихъ журналовъ; для этого слѣдило бы за періодической прессою, а также за новѣйшими сочиненіями по насущнѣйшимъ отдѣламъ наукъ и давало бы публикѣ сжатый, но полный отчетъ о развитіи и состояніи современной жизни.

Если такое періодическое изданіе необходимо вездѣ, при извѣстномъ уровнѣ образованія, то тѣмъ большая настоять въ немъ потребность для Кавказскаго края, гдѣ, вслѣдствіе извѣстныхъ каждому историческихъ обстоя-

тельствъ, еще очень недавно создались условія, необходимыя для успѣховъ цивилизаціи, — гдѣ при слабomъ развитіи промышленности, а по связи съ тѣмъ и экономическаго благосостоянія, потребность просвѣщенія еще не такъ окрѣпла, не такъ распространена въ массѣ, какъ въ другихъ частяхъ нашего отечества.

Намъ, можетъ быть, возразятъ на это: если для Кавказскаго общества необходимо подобное періодическое изданіе, то его легко получить въ одномъ изъ центровъ интеллектуальной жизни Россіи, — есть столько столичныхъ изданій, которыя цѣлью своей дѣятельности поставили себѣ ту же задачу. На это мы можемъ сказать, что подобное описанному періодическое изданіе — можетъ быть вполне полезно для общества нашего края только въ томъ случаѣ, когда оно издается въ самомъ краѣ, когда оно есть, такъ сказать, произведеніе самого Кавказскаго общества, когда оно является не какъ нѣчто случайное, прививное или навязанное обществу, а какъ нѣчто органически связанное съ самою жизнію общества. А для такой органической жизненности дѣла нужно соотвѣтственнымъ образомъ видоизмѣнить планъ изданія.

Желая удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ края, это изданіе должно быть Кавказскимъ Эхо не только по названію, но и въ сущности, на самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ „Кавказское Эхо“, для содѣйствія успѣхамъ цивилизаціи края, должно: 1) знакомить читателей съ *природою и людьми* Кавказа и Закавказья, особенно же съ людьми: съ бытомъ Кавказскихъ аборигеновъ и колонизаторовъ края, съ потребностями тѣхъ и другихъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на пути и средства для поднятія уровня гражданскаго развитія населенія нашего края, и 2) сообщать заимствованныя изъ русской и иностранной прессы свѣдѣнія, но не всякія, а только тѣ, которыя могутъ имѣть практическое значеніе при данномъ развитіи края, т. е. могутъ служить ему полезнымъ урокомъ и указаніемъ для прогресса жизни въ промышленномъ, научномъ, нравственномъ, юридическомъ и другихъ отношеніяхъ.

Таковы цѣль, способы и средства предполагаемаго изданія.

Условіемъ достиженія этой задачи редакція „Кавказскаго Эхо“ ставитъ исполненіе слѣдующей программы:

I. ОТДѢЛЪ ОБЩІЙ. 1) Обзоръ внутренней жизни Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ, при чемъ на первомъ планѣ ставятся явленія, въ которыхъ выражается самодѣятельность общества. 2) Обзоръ общественной жизни другихъ цивилизованныхъ государствъ. 3) Обзоръ политической жизни иностранныхъ державъ. 4) Педагогическое обозрѣніе. 5) Научныя извѣстія. 6) Смѣсь. 7) Библиографическій обзоръ: перечень вновь выходящихъ въ Россіи произведеній печати и краткія рецензіи важнѣйшихъ русскихъ и переводныхъ книгъ и брошюръ. 8) Справочныя свѣдѣнія.

II. ОТДѢЛЪ МѢСТНЫЙ. 9) Статьи о важнѣйшихъ мѣстныхъ вопросахъ, касающихся дѣятельности и интересовъ общества. 10) Хроника общественной жизни Кавказа и Закавказья. 11) Повѣсти, рассказы и путевыя замѣтки, обрисовывающія Кавказское общество и природу. 12) Этнографическія, географическія и историческія изслѣдованія и описанія Закавказскаго края. 13) Корреспонденція изъ разныхъ мѣстъ Кавказа и Закавказья. 14) Частныя объявленія. 16) Судебная хроника.

Въ заключеніе замѣтимъ, что исполненіе такой, хотя скромной, но въ то же время широкой задачи станетъ возможнымъ для редакціи „Кавказскаго Эхо“ только при томъ условіи, что новое изданіе встрѣтитъ сочувствіе со стороны самого общества, т. е. когда интеллектуальныя силы нашего края не останутся непричастными къ организаціи этого дѣла, а признають его одной изъ общественныхъ аренъ для обнаруженія себя на пользу своихъ ближнихъ, и когда, съ другой стороны, необходимая доля общественныхъ средствъ и достатковъ будетъ удалена для поддержки матеріальнаго существованія новаго литературнаго органа.

Редакція же, съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, будетъ стремиться къ возможно-полному осуществленію взятой на себя общественной роли.

I. ИЗСЛѢДОВАНИЯ. 1.) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ, по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл. Поэзіи, Исторіи Литературы; — будутъ помѣщаться даже цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ; — разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія; — разныя методы и программы; — указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч. — словомъ, это будетъ обмѣнъ мыслей между преподавателями.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго, — (народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствование нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ съ краткими указаніями относительнаго достоинства ихъ, и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографія, сравнительной міеологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**.

Цѣна годовому изданію **6** руб.

Подписка принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ, также въ книжныхъ магазинахъ—Никитина, Семенова и Кашиной;

въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ**: въ книжныхъ магазинахъ — И. И. Глазунова, Я. А. Исакова и М. О. Вольфа;

въ **МОСКВѢ**: въ книжныхъ магазинахъ—О. И. Салаева, А. И. Глазунова, И. Г. Соловьева и И. И. Кольчугина;

въ **ХАРЬКОВѢ**: въ книжномъ магазинѣ—А. П. Скалона;

въ **КАЗАНИ**: въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина.

въ **ОДЕССѢ**: въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бѣлаго.

Въ Редакціи имѣются слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1862—1863 и 1864 годы. Цѣна за каждый годъ по **6** р. за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за 1867 г. **6** р.

Опытъ Элементарнаго Руководства при изученіи Русскаго языка практическимъ способомъ — **Элементарная Грамматика**. **КУРСЪ** 1-й и 2-й. К. Говорова. 1867 г. 5-е, исправленное изданіе. Цѣна за экземпляръ 50 коп. серебромъ.

3-й Курсъ Элементарной Грамматики — Синтаксисъ, К. Говорова. 1867. 4-е, исправленное изданіе. Цѣна 50 коп. Въсѣмъ по разстоянію.

Система Языковѣдѣнія, Гейзе. Часть I. Перев. съ нѣм. И. Желтова. 1864. Цѣна за экз. 2 руб. съ перес.

О Юморѣ въ сравненіи съ Сатирой, Н. Понова. 1864. Цѣна 30 к. за экз. съ пересылкою.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Перев. съ фр. А. Н. Чудинова. 1866. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Краткое Руководство въ изученію прозаическихъ сочиненій, М. О. де-Шуле. 1866 г. Цѣна 50 к. Въсѣмъ по разстоянію.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Издатель и Редакторъ **А. Хованскій**.

Дозволено Ценсурой. Москва. 3 Апрѣля 1868 г.